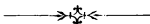

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.
1913 — 1914.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ТАБЛИЦЪ И СЪ ДВУМЯ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вос. Остр., 9 лин., № 12.
1915.

Древнѣйшая датированная турецкая рукопись XIV вѣка.

Посѣтивъ нынѣшнимъ лѣтомъ Англію, я имѣлъ въ виду освѣдомиться въ тамошнихъ книгохранилищахъ, и главнымъ образомъ въ Британскомъ Музеѣ, не прибыло ли въ нихъ чего-нибудь новенькаго, послѣ того какъ я тамъ былъ лѣтомъ 1897 года. Мои предчувствія не обманули меня. Я вособенности уповалъ на коллекцію турецкихъ рукописей покойнаго Гибба, завѣщавшаго ее Британскому Музею; но въ ней ничего не оказалось ни новаго, ни особенно замѣчательнаго. Зато, пересматривая ниневенгаръ новѣйшихъ рукописныхъ приобрѣтеній Музея, я попалъ тамъ на одну турецкую рукопись, которою и занялся втеченіе всего моего пребыванія въ Лондонѣ, и нынѣ имѣю честь подѣляться своими свѣдѣніями объ этой находкѣ въ вѣдрахъ Британскаго Музея.

Рукопись эта куплена Британскимъ Музеемъ въ апрѣлѣ 1908 года отъ пѣкоего J. G. Gejou и зарегистрирована подъ № 6815. Къ сожалѣнію, она уже переплетена въ новенькій переплетъ. На чистомъ листѣ переплета есть заглавіе содержащагося въ ней сочиненія, съ добавленіемъ арабскаго выраженія **خطه** = «автографъ»; все написано это новѣйшимъ почеркомъ руки, надо полагать, продавшаго рукопись комиссіонера, скрывающагося подъ инициалами W. B. Нужно замѣтить, что этотъ, должно быть все-таки ловкій, отыскиватель рукописныхъ рѣдкостей, имѣетъ обычай на всѣхъ почти продавшихъ имъ рукописяхъ ставить помѣтку **خطه** = «автографъ», хотя и не всегда осповательно, какъ это я замѣтилъ, просматривая турецкія рукописи въ библіотекѣ Кембриджскаго университета: тамъ мною усмотрѣны были двѣ рукописи также съ помѣткою, что онѣ суть автографы, заключаая въ себѣ произведенія одного и того же писателя, а между тѣмъ почерки этихъ двухъ рукописей при сличеніи оказались совершенно различные. Но въ отношеніи занимающей насъ рукописи досужій комиссіонеръ едва ли не былъ

правъ, какъ въ этомъ убѣждаютъ меня ближайшія наблюденія надъ рукописью.

Рукопись заключаетъ въ себѣ 153 листа in-4°, размѣра 23 × 17 п 20 × 14 сантиметровъ. Написана по 19 строкъ на страницѣ почеркомъ пѣсхи, причѣмъ арабскіе стихи написаны крупнѣе и въ два столбца. Бумага довольно плотная и безъ водяныхъ знаковъ. Однимъ словомъ, внѣшностью она совершенно подходитъ къ рукописямъ той эпохи, къ которой она принадлежитъ. Будучи въ началѣ дефектна, она имѣетъ однако же въ концѣ очень обстоятельное послѣсловіе, въ которомъ точно обозначена дата 731 = 1332 г., такъ что она теперь является старѣйшею датированною турецкою рукописью первой половины XIV вѣка, тогда какъ другіе старинные памятники турецкой письменности, какъ напр. «Гарибъ-намэ» Аашикъ-паши, какъ такъ называемые у ученыхъ «Сельджукскіе стихи» въ «Ребабъ-намэ» Султанъ-Веледа и какъ, наконецъ, лѣтопись Ибнъ-Биби, дошли до насъ въ рукописяхъ, не имѣющихъ датъ и только косвенными соображеніями относимыхъ къ стариннымъ временамъ, даже, пожалуй, къ тому же XIV вѣку. Въ этомъ же послѣсловіи рукописи находится и точное обозначеніе содержащагося въ ней сочиненія, которое названо نظم الخلافیات въ арабскомъ текстѣ, турецкій же переводъ просто названъ «переводомъ его» — ترجمته.

Обращаясь за бібліографическими справками, прежде всего, конечно, къ словарю Хаджи-Кальфы, мы находимъ въ немъ арабскій оригиналъ самого Нассефи (Vol. VI, 195, № 13203 подъ заглавіемъ النظرية في الخلافیات съ подробнымъ указаніемъ составныхъ частей его, а затѣмъ и перечень многочисленныхъ комментаріевъ на него. Въ ряду этихъ послѣднихъ однако же не оказывается такого комментарія, понашему переводу, который бы соответствовалъ нынѣ хранящемуся въ Британскомъ Музеѣ. Упоминается одинъ авторъ комментарія, пѣкій Рази-Эддинъ Ибрагимъ-бенъ-Сулейманъ Хамави Мантыки, умершій въ 732 = нач. окт. 1331 года, комментарій котораго въ двухъ томахъ — رضى الدين ابراهيم بن سليمان الحموي المنطقى (Н. Kh. VI, p. 196); но по всей видимости онъ не тождественъ съ авторомъ Лондонскаго кодекса: общаго между ними лишь то, что оба носили имя Ибрагимъ, и оба были изъ города Хамы, а въ остальныхъ признакахъ они совершенно расходятся — одинъ сынъ Мустафы, а другой Сулеймана; самое сочиненіе, по словамъ Хаджи-Кальфы, Ибрагимъ-бенъ-Сулеймана въ двухъ томахъ, тогда какъ въ кодексѣ Лондонскомъ такого раздѣленія на два тома не имѣется. Наконецъ, и это едва ли не самое главное, Ибрагимъ-бенъ-Сулейманъ умеръ въ началѣ 732 = 1331 года, тогда какъ въ Лондонскомъ кодексѣ значится, что турецкій переводъ въ

концѣ 731=въ сент. 1331 года доведенъ былъ только до листа 65 (Рукоп. л. 65 г.), а законченъ былъ написаніемъ въ серединѣ слѣдующаго 732= въ мартѣ 1332 года. Конечно, при незначительной разницѣ датъ лишь въ нѣсколькихъ мѣсяцахъ могла вкратѣ у Х.-Кальфы неточность въ нихъ, и тогда значило бы, что авторъ умеръ въ томъ же году, когда закончилъ свой трудъ; но все же такое совпаденіе кажется необычайнымъ, а потому и крайне сомнительнымъ. А что всего болѣе говорить за разницу этихъ двухъ произведеній—это 1-хъ имя Алиширъ въ составѣ имени автора Лондонскаго кодекса, отсутствующее въ составномъ имени комментатора, упоминаемаго у Х.-Кальфы; а 2-хъ въ кодексахъ Британскаго Музея усматриваются явные признаки, заставляющіе предполагать въ немъ автографъ автора, что еще болѣе отдаляетъ его отъ того, который былъ самолично или по преданію извѣстенъ знаменитому турецкому библіографу. Эти признаки, на мой взглядъ, слѣдующіе. Прежде всего необыкновенно тщательное письмо съ точно и систематически разставленными диакритическими знаками, именно какъ бы со специальнымъ предназначеніемъ этой рукописи служить руководствомъ турецкимъ ученикамъ переводчика, плохо понимавшимъ арабскій языкъ и его мудреную для нихъ грамоту, на что имѣется прямое указаніе въ послѣсловіи автора, какъ увидимъ далѣе. Вторымъ признакомъ, мнѣ кажется, можно считать то мѣсто въ рукописи на л. 131 в., гдѣ зачеркнуто двѣнадцать строкъ, а за ними слѣдуютъ уже совершенно другія, зачеркнутыя же болѣе не повторяются, чего нельзя было бы ожидать, если бы зачеркнутое было дѣломъ рукъ простого переписчика, ошибающагося лишь въ порядкѣ словъ или строкъ переписываемаго чужого произведенія. Третій признакъ, самый помоему вѣскій, заключается въ начальныхъ словахъ послѣловія: «И совершилось оковчаніе перевода его (сочиненія Нэсефи) рукою смиреннаго раба, переводчика, нуждающагося въ милости благого Господа своего, Ибрагимъ-бенъ-Мустафа-бенъ-Алишира Альмулейфедави». Выраженіе على بن = «рукою» можетъ касаться главнымъ образомъ механическаго труда переписки, а не умственной работы—перевода. Такъ надо думать по обычному употребленію этого выраженія въ огромномъ количествѣ приписокъ въ мусульманскихъ рукописяхъ. Наконецъ четвертый и послѣдній признакъ автентичности Лондонскаго кодекса уже чисто отрицательнаго свойства—отсутствіе другой приписки отъ лица какого-либо посторонняго писца, ~~что~~ковая имѣется напр. въ Фарахъ-намѣ Хатыбъ-оглу въ Будапештской рукописи № 0.24, л. 250 в., и ненахожденіе другого списка этого произведенія ни въ какихъ другихъ доступныхъ намъ библіографическихъ указателяхъ.

Немаловаженъ также вопросъ и о личности автора перевода въ томъ

отношеніи, что въ связи съ нимъ отчасти паходится и сужденіе о свойствахъ и особенностяхъ языка, которымъ переводъ сдѣланъ: иное дѣло, если это былъ природный турокъ, хорошо владѣвшій арабскимъ языкомъ, а иное дѣло, если это былъ арабъ, настолько однако же хорошо освоившійся съ турецкимъ языкомъ своихъ учениковъ, что «отважился», по его собственному выраженію, приняться за переводъ довольно большого комментарія къ классическому въ своемъ родѣ стихотворному произведенію знаменитаго ученаго Абу-Хафсъ-Омара Нэсефи († 537=1142 г.), сдѣлавъ переводъ основного текста Нэсефи также стихами, а комментарія — прозою.

Замѣчательно то общее явленіе, что авторы главнѣйшихъ старинныхъ памятниковъ турецкой письменности, какъ Аашикъ-паша въ своемъ «Гарибъ-намэ» (Будапештская рукопись, № Qn. 1, л. 258 г.) и Хатыбъ-оглу въ своемъ «Фарахъ-намэ» (Будапешт. рукоп. № 0.24, л. 10 г. и 249 г.), какъ будто оправдываются въ томъ, что они дѣлають турецкій языкъ орудіемъ выраженія очень ужъ высокихъ матерій; или же извиняются, какъ это дѣлаеть Султанъ-Веледъ въ своихъ «Сельджукскихъ стихахъ» (Будапешт. рукоп. № 0.196 л. 220 г.) въ томъ, что онъ, будучи родомъ персіянинъ, не знаетъ потурецки, т. е. плохо владѣеть турецкимъ языкомъ. Ни того, ни другого мы не находимъ у автора Лондонскаго кодекса, такъ какъ одну его фразу въ послѣсловіи *بو جرئت ابل* = «осмѣлился, отважился» позволительно считать лишь за обычную у восточныхъ писателей формулу выраженія своей скромности, не болѣе. Затѣмъ у него дважды въ сочиненіи встрѣчается упоминаніе о туркахъ и татарахъ, но оба раза въ такомъ безразличномъ, академическомъ тонѣ, что по этимъ мѣстамъ сочиненія ничего нельзя заключить о какихъ-либо родственныхъ, національныхъ симпатіяхъ или антипатіяхъ его автора. Первое упоминаніе сдѣлано у него по вопросу о наймѣ рабочихъ—хаммаловъ, портомоевъ, что съ ними надо опредѣленно договариваться, какъ считать плату,—если по-татарски, то платить два диргема, если по-турецки—одинъ диргеми (Рукоп. л. 54 г.). Тутъ какъ будто идетъ рѣчь о разной денежной валютѣ, бывшей, вѣроятно, тогда въ ходу въ мѣстахъ жительства комментатора, а не то что о разной расцѣнкѣ одной и той же денежной единицы, какъ диргеми, со стороны татаръ и турковъ. Вторично нашъ переводчикъ упоминаеть о туркахъ какъ о народѣ по вопросу о поголовной подати—что если кто-нибудь изъ турковъ, или индѣйцевъ, или дейлемитовъ захочетъ быть зниміемъ, о чемъ и сдѣлають кабулу на него, то все-таки не слѣдуетъ налагать на него джузье—поголовной подати по Шафѣи, а «попашему» (?) слѣдуетъ; а вслѣдъ за этимъ идетъ раздѣленіе всѣхъ кляпировъ на четыре разряда—на княжниковъ, огнепоклонниковъ, идолопоклонниковъ изъ арабовъ, не подлежащихъ налогу, и идолопоклонниковъ изъ персовъ,

тоже по Шафи не подлежащих налогу, а «понашему» подлежащих (л. 111 v.). Отсюда тоже ничего не видно, какъ къ кому относится авторъ или переводчикъ: повидимому какъ-будто все же не благоволить къ персіянамъ (л. 111 v.). Кстати замѣтить, рядомъ съ этимъ же мѣстомъ, нѣсколько повыше, почему-то дается толкованіе слова دربند въ такомъ родѣ: *در بند ددکی داغ ار اسند درج یرا ایدر لر* = «Дербендомъ называюгъ тѣсноватое мѣсто среди горъ» (л. 110 v.).

Такимъ образомъ относительно національной принадлежности автора Лондонскаго кодекса остается лишь дѣлать догадки, для которыхъ тоже не представляется сколько-нибудь полезныхъ данныхъ ни въ рукописи, ни въ постороннихъ источникахъ.

Уже одно присутствіе имени Алиширъ въ составѣ имени автора даетъ немалое основаніе полагать, что онъ не былъ кровный арабъ. А принималъ во вниманіе тотъ фактъ, что въ числѣ многихъ другихъ комментаторовъ, поименованныхъ у Х.-Кальфы, есть такіе, изъ коихъ одинъ носить у него добавочное прозвище Бенъ-Давудъ Бухари (Н. Kh., Vol. VI, p. 196), а другой—Бенъ-Абд-ель-Хамидъ Аль-Асменди Аль-Самарканди (Ibidem), можно думать, что въ Хамѣ, бывшей, очевидно, въ свое время центромъ арабско-мусульманской учености, пребывали выходцы изъ Средней Азіи, а затѣмъ и потомки такихъ выходцевъ, и потому они могли быть по происхожденію или турки же, хотя попервоначалу среднеазиатскіе, или же пришельцы другой расы—таджики, персіяне, хорошо освоившіеся съ турецкимъ языкомъ еще тамъ у себя на родинѣ и не забывшіе его по выселеніи оттуда, но лишь оправившіе его въ формы языка турковъ Передней Азіи во время своего пребыванія или даже окончательнаго водворенія въ области славнаго своего ученостью сирійскаго города Хамы.

Городъ Хама былъ крупнымъ самостоятельнымъ и административнымъ пунктомъ, присоединеннымъ потомъ къ Триполійскому вилаяету (Джидганъ-пюма, стр. 591—592). Другое общеизвѣстное имя этого города есть Эпифанія. (Mostras, Dict. Géographique de l'Empire Ottoman, Spt. 1873, p. 85). Въ одной новѣйшей турецкой географіи совершенно серьезно сказано, что «Хама построена Хамомъ сыномъ Ноя»—забавное соображеніе! (مفضل ملک) стр. 192, عثمانی جغرافیاسی اثر محمد شوکت). Кромѣ этого, никакихъ болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній объ этомъ древнемъ городѣ не имѣется. Добавочное при имени Хамы выраженіе *بالکهر* въ рифму съ слѣдующимъ за нимъ *والهزم عن الهم*, пока не поддается никакому сколько-нибудь удовлетворительному толкованію, кромѣ развѣ банальной фразы: «извѣстный шутильностью». Не менѣе трудно истолковать и добавочное прозвище автора Альмулейфедави—*الملیفودی*, относительно котораго также можно по-

лагать, что оно географическаго корня. По аналогія съ подобными прозваніями, въ родѣ Кюпрюлю, Соколы и т. п., надо думать, что въ немъ кроется имя какого-нибудь второстепеннаго или даже третъестепеннаго городка или мѣстечка, даже въ округѣ города Хамы, откуда былъ родомъ авторъ, отмѣчающій, что во время писанія своего перевода онъ состоялъ судьей въ городѣ Хамѣ; но ни въ географическихъ сочиненіяхъ, ни на географическихъ картахъ ничего хотя бы похожаго начертаніемъ на начертаніе искомаго прозвища не оказывается. Въ силу этого приходится пока довольствоваться тѣми данными, которыя въ пространномъ послѣсловіи авторъ сообщаетъ о себѣ и о своемъ трудѣ. Это послѣсловіе гласитъ намъ слѣдующее:

وقد وقع الفراغ من ترجمته على يد العبد الضعيف المترجم المعترف الى رحمة ربه اللطيف ابراهيم بن مصطفى بن عليشير المليفدوى الحاكم يومئذ بمدينة حما تعرف بالكهر حميت عن الهزم والقهر غفر الله له ولوالديه ولساير المسلمين اجمعين يوم الثلاثاء رابع شهر الله الاحب رجب عمت ميامنه سنة اثنتين وثلثين وسبعائة والحمد لله اولا واخرا ظاهرا وباطنا بو ضيف منظومه ترك دلنجا ايلدكنك سببي اول درهت لرتصيل علوم دن قاصر اولد عريمتا رغبت لرت فاطر اولد هم بر شخص كم علم اوقمغا هوسى اد عربجا اوقق الندن كلمسد بو ضعيفدن استد كم ترك دلنجا طاقت قدرى اكا معلوم ايلبا وهم تركلار ياذكار قله بو شريف كتابك مسابيلندن لطايفندن محروم قلميلر بو ايت حكمتا تمسك ايليپ ما ارسلنا من رسول الا باسان قومه لينبين لهم بو جرعت ايلد اومين حقك لطفنا اول در كم بو كتابدن فايده كترلر اول سبب اله بو ضعيف ياذ قللر انك اچن حقدن معصيتن دليلر ان شا الله تعالى غفور خضرندن مغفرت كلب مرحوم ومغفور اوله بو كتاب ختم ايلياالم دعاء له كم رسولدن عليه الصلوة والسلام اثر كمش در اللهم انى اسالك الثبات فى الامر واسالك العزيمة على الرشد واسالك لسانا صادقا واسالك من خير ما تعلم واعوذ بك من شر ما تعلم واستغفرك لما تعلم لانك علام الغيوب حسبنا الله ونعم المولى ونعم النصير. Это значить:

«И совершилось окончаніе перевода его (стихотворенія Нэсефи) рукою слабаго раба, переводившаго, нуждающагося въ милости всеблагаго Господа Своего, Ибрагимъ - бенъ - Мустафа - бенъ - Алишира Альмулейфедави, тогда судьи въ городѣ Хамѣ, извѣстномъ (чѣмъ?) — да будетъ онъ спасенъ отъ покоренія и одолѣнія! — и да проститъ Господь его, и родителей его и всѣхъ прочихъ мусульманъ! — въ десть вторникъ, четвертый божьяго мѣсяца, возлюбленнаго реджеба — да распространятся на всѣхъ благодати его! — семьсотъ тридцать втораго года. И слава Богу сначала и въ концѣ, наружне и внутренне! — Причина того, что сей

смирный переложил стихотворение на турецкий языкъ, такова: рвенія къ приобретению знаній недостаточно стало; стремленія къ арабскимъ слабы стали, такъ что если бы у кого-нибудь и велика была охота изучать науку, да ему не съ руки было бы читать по-арабски, то онъ бы и потребовалъ отъ сего смиренного сдѣлать это по мѣрѣ возможности доступнымъ на языкѣ турецкомъ, и оно бы осталось на память туркамъ: они не были бы возбранены отъ вопросовъ и остроумностей сей почтенной книги. Слѣдую смыслу сего стиха: «И не ниспослалъ мы ни одного пророка какъ только съ языкомъ народа его, дабы онъ объяснилъ имъ», онъ и отважился на это. А упованіе на благодать Божію то, что пусть почерпаютъ пользу отъ этой книги, а по сей самой причинѣ пусть вспоминаютъ и сего смиренного, и испросятъ отъ Бога прощенія прегрѣшеній его: если Всевышнему Богу угодно будетъ, то и ему прійдетъ все-прощеніе отъ Господа Милосердаго; онъ почіетъ помплаванный. Докачимъ же эту книгу съ молитвою, дошедшею какъ наслѣдіе отъ Пророка — да будетъ надъ нимъ славословіе и миръ! —: «Молю Тя, Господи, о крѣпости въ дѣлахъ; молю тя о выступленіи на стезю правды; молю Тя о языкѣ правдивомъ; молю тя о благѣ, которое ты всѣмъ; и да избавишь ты меня отъ зла, которое ты всѣмъ, и прошу у тебя помилованія въ томъ, что ты всѣмъ, Воистину ты тайновѣдецъ! Довольно намъ Аллаха! Благъ Господь и благъ Помощникъ!»

Оборотная страница послѣдняго листа дотога замазана различными беспорядочными начертаніями, что нѣтъ никакой возможности разобрать въ нихъ какія-либо осмысленныя слововыраженія.

И такъ рукопись въ началѣ дефектна: она начинается ex abrupto такими словами турецкаго перевода:

مازنی تمام ایلیا باطل اولن محمد قولند قلو دردغی غار غام ایلیا اندن خرما صو
اله ابرست اله اول غار کرو قله

По содержанію этихъ начальныхъ строкъ видно, что рѣчь идетъ о молитвѣ, т. е. о самомъ первомъ вопросѣ мухаммеданской каноники. Слѣдовательно въ рукописи недостаетъ одного, либо двухъ листовъ въ началѣ. Во всякомъ случаѣ точное опредѣленіе дефекта ся возможно будетъ при сличеніи съ арабскимъ подлинникомъ сочиненія Нэсефи, заключающаго въ себѣ 2666 стиховъ, какъ это видимъ изъ конечныхъ стиховъ текста и турецкаго перевода въ рукописи.

Я надѣлся, что въ состояніи буду произвести это сличеніе въ Петербургѣ, будучи почему-то убѣжденъ, что повѣрное гдѣ-нибудь да есть если не печатный, то рукописный экземпляръ сочиненія Нэсефи. Но надежда меня жестоко обманула: въ Петербургѣ ни въ одной библіотекѣ не оказалось этого сочиненія. Поэтому вопросъ о соответствіи турецкаго перевода

въ Лондонскомъ кодексѣ съ арабскимъ оригиналомъ еще долженъ составить предметъ дальнѣйшаго изслѣдованія—какой изъ множества комментаріевъ на основное сочиненіе Нэсефи былъ избранъ авторомъ нашего перевода, и гдѣ таковой можетъ теперь находиться. Заранѣе можно впрочемъ сказать, что турецкій переводъ едва ли будетъ вполнѣ совпадать съ арабскимъ оригиналомъ, потому что уже и въ переводѣ основныхъ стиховъ арабскихъ я наблюдалъ иногда довольно ощутительную разницу между ними; а потому можно предполагать, что и въ пространнѣхъ комментаріяхъ къ нимъ могутъ оказаться какія-нибудь добавленія или распространенія переводчика, такъ что безъ этого подробнаго сличенія нельзя высказать какихъ-либо категорическихъ сужденій и по нѣкоторымъ предметамъ самаго содержанія этого комментарія, напр., положимъ, по вопросу о томъ, можно ли ѣсть свинину. Въ одномъ мѣстѣ комментарія говорится, что «если кто-нибудь пуститъ стрѣлу въ волка, или льва, или въ свинью, но произнесетъ при этомъ бисмиллю, и стрѣла попадетъ въ какую-нибудь дичь, то эту дичь ѣсть нельзя, по словамъ Абу-Хафсы, т. е. Омара Нэсефи, а *по нашему* можно= *بِزْمٍ قَوْلُهُ* (л. 47 verso). Выраженіе «*по нашему* мнѣнію»=*بِزْمٍ قَوْلُهُ*—множество разъ повторяется въ переводѣ, иногда замѣняясь другимъ такимъ же: *بِزْمٍ قَوْلُهُ* «*по нашему*», или даже *بِزْمٍ عُلْمًا قَوْلُهُ* = «по мнѣнію нашихъ ученыхъ» (л. 32 г.). Кому принадлежать эти оговорки—только ли Нэсефи, взявшемуся сопоставить разногласіе главнѣйшихъ отцовъ мусульманскихъ правовѣрныхъ толковъ, или же кому-либо изъ авторовъ переводимаго комментарія, или же, наконецъ, мы тутъ имѣемъ дѣло съ добавленіемъ собственныхъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ сужденій, высказанныхъ въ пнѣхъ мѣстахъ турецкимъ переводчикомъ, позволившимъ себѣ «считать свое сужденіе имѣть», не извѣстно. Разъясненію этого вопроса нисколько не помогаетъ и приводимый ниже хадисъ, заключающій въ себѣ цѣлый рядъ именъ авторитетовъ тогдашней учености. А такихъ характерныхъ въ бытовомъ отношеніи предметовъ не мало затронуто и въ арабскомъ текстѣ, и въ переводныхъ комментаріяхъ. И если даже, скажемъ напередъ, окажется полное соотношеніе турецкаго перевода комментаріевъ съ арабскимъ оригиналомъ Нэсефи, то все же интересъ его содержанія мало терять въ своемъ значеніи на томъ основаніи, что высказанныя въ немъ воззрѣнія по предметамъ тогдашняго житейскаго быта и юридической практики, надо думать, заучивались турецкими студентами въ школахъ какъ такія, которыя находили свое примѣненіе и у мусульманскихъ турковъ. Въ общемъ, напри-
мѣръ, замѣтно какъ будто больше ригоризма у комментаторовъ, чѣмъ у има-

мовъ. Напр. за пьянство по Шафін достаточно дать сорокъ палокъ пьяницѣ, а по комментатору, ссылающемуся, правда, на другіе авторитеты, слѣдуетъ дать восемьдесятъ (л. 108 v.); за умышленное уклоненіе десятилѣтняго дитяти отъ совершенія намаза надо бить палками, по имаму Шафін, а переводчикъ прибавляетъ, что надо сильно бить, да еще это мнѣніе сопровождается такимъ не лишеннымъ своего значенія хадисомъ: *اكر اون يشر اغلن غازنى* *قصد اله ترك ايلسا دوكلر ديلمزلر شافعى قولند بزم قولند توبه ورلر حبس قتل ايلميلر* *مولانا حافظ الدين مصطفى مصنف ابتي اشتدم مولانا حميد الدين دن كم ابتي* *مولانا شيخ جمال الدين رحمه الله ابتي بزم قولند ضرب شديد اورلر شل قدر كم* (л. 76 v. — 77 r.). Въ другихъ случаяхъ, особенно въ вопросахъ разныхъ отношеній мужьяны къ женщиянѣ, комментаторъ менѣе строгъ, нежели имамы: такъ по Шафін нельзя мусульманину жениться на христіанкѣ или на іудейкѣ, а по комментатору позволительно (л. 96 v.); по Шафін нельзя глупаго человѣка ставить судьей, а по комментатору можно: «что-что онъ не будетъ уменъ, лишь бы былъ справедливъ: онъ можетъ постановлять рѣшенія по фетвамъ ученыхъ» (л. 123 v.). Особенно много любопытныхъ сужденій по части соціального положенія рабовъ и рабынь въ мусульманскомъ обществѣ того времени, въ которое сдѣланъ переводъ авторитетнаго для того времени сочиненія Нэсефи.

Но эта сторона содержанія рукописи настолько обширна, что я позволяю себѣ коснуться ея лишь мимоходомъ. Главнѣйшее же мое вниманіе при изслѣдованіи рукописи было сосредоточено на свойствахъ турецкаго языка, отразившихся въ ней. Нужно сказать, что специальность содержанія ея, т. е. шаблонная форма юридическихъ сентенцій, безъ сомнѣнія, не давала должнаго простора турецкой рѣчи переводчика по части обнаруженія имъ разныхъ грамматическихъ и стилистическихъ свойствъ этой рѣчи, но все же и при этомъ не совсѣмъ благопріятномъ условіи тутъ встрѣчаются формы, достойныя вниманія науки, чтобы разобраться въ ихъ образованіи и принадлежности къ тѣмъ или инымъ категоріямъ, чрезъ сличеніе съ таковыми въ другихъ извѣстныхъ старинныхъ памятникахъ турецкой письменности, относимыхъ къ той же эпохѣ, но можетъ быть не совсѣмъ тождественнаго діалектическаго облика.

Начнемъ съ такъ называемой ороографіи. Она въ Лондонской рукописи весьма близка къ ороографіи рукописи «Гарибъ-намэ», принадлежащей Будапештской академіи наукъ и значащейся тамъ подъ № F. 46, и къ «Давышмендъ кыссэси» нашей Императорской Публичной Библіотеки (Dogn, Catalogue, № 578). Большинство особенностей въ начертаніи словъ и грамматическихъ архаизмовъ, которыми отличаются два вышеупомянутые ко-

декса, встрѣчается и въ Лондонской рукописи. Я перечислю здѣсь тѣ и другіе въ томъ же приблизительно порядкѣ, въ какомъ они выбраны были мною въ моей монографіи «Мнимый турецкій султанъ именуемый у европейскихъ писателей XVI в. Calerinus Cytisclebes» (Зап. Вост. Отд., Т. XVIII). Орфографическія особенности эти суть слѣдующія.

Въ начертаніи словъ неохотное употребленіе гласныхъ знаковъ و и ی въ серединѣ и особенно въ концѣ словъ, напр. ایشیندکده = ایشندکد (л. 14 v.), بولمه = بولمسا (23 r.), کُشکد = صاغلغند (20 v.), بولمه = بولسا (23 r.), قتمزد (31 r.), ایلدی ایدی = ایلدид (29 r.), بوکون = بکن (27 v.), صیغیر = صغر (118 r.), اولدی ایدی = اولدид (32 v.), ایریکин = اذکين (114 r.), صیغیر = صغر (118 r.), ایکی = اکی (58 v.), и др.).

Конечно и срединное ۛ нынѣшняго правописанія почти совершенно изгнано изъ орфографіи Лондонскаго кодекса и всюду замѣняется элифомъ, особенно въ окончаніи глагольныхъ флексій, напр.: نَسَا (3 r.), جِئَلِنَسَا اَلْسَا (56 v.), بَزِي قَرِيَا بِيَاَسَا (9 r.), اِكْتَجِسِنَا (10 r.), اُرَزِنَا (19 v.), اَلْفَا اِسْمِرَلِيَا بَطْمِنَا (58 v.), خَوْشَاوَنَدِنَا (104 v.), يَلَنَّا (105 v.).

Надъ сагырнуомъ обязательно всегда стоитъ троеточіе, напр.: تَكْرِیَا (97 v.), بَاكَلِيَا (31 r.), صُكْرَانُكْ (14 v.), اَنُكْ (10 r.), اُولُسُكْ (8 v.), (105 v.).

Склонность къ сократительнымъ сліяніямъ нѣсколькихъ словъ въ одно начертаніе, какъ-то: نه قدر ایدکنی = نه قدردغینی (14 r.) и کُندغادرکن, کون دوغر айکن и کون دوغا دورر айکن = کُندغرکن (24 r.) и др.

Тѣмъ-же, замѣняющій турецкое окончаніе во флексіи на دن, столь обычный въ другихъ старинныхъ турецкихъ памятникахъ, здѣсь почти совсѣмъ не встрѣчается: едва ли не единственный примѣръ представляетъ выраженіе صَوْرَدُ صُكْرَ (14 v.). Зато вездѣ аккуратно выставленъ тѣшдидъ съ *fatחוю*, и вездѣ онъ занимаетъ мѣсто *надъ* нею, а не *подъ* нею, какъ обыкновенно принято въ арабской и турецкой орфографіи, напр.: نَبَتَا (3 r.), وَقَّتْ (17 r.) и др.

Въ притяжательныхъ мѣстоименныхъ аффиксахъ и во флексіяхъ от-

существуетъ و, которое всюду употребительно въ другихъ памятникахъ, но зато соотвѣтственные имъ гласныя всегда неукоснительно обозначаются дзаммой надъ согласною, напр.: بَلَزَكُكْ (19 г.), اُولُسُكْ (21 г., 26 г.), يَنْزُكْ (22 г.), اُبْغُودُرْ (24 г.), بَرْمَغُكْ (31 г.), بَزْمُ قَوْلْمَزْدَ (34 г.), عَوْرَتُكْ (Ibid.), اَرْكْ (35 г.), يَزْمُ قَتْمَزْدَ (39 v., 46 г.), بُولُرْ (49 г.), بَطْمُنُكْ (86 v.) и др.

Фонетическія особенности, обнаруживаемыя начертаніемъ словъ, прежде всего заключаются также въ постановкѣ буквы ځ вмѣсто ɣ, притомъ не только въ персидскихъ словахъ, но и въ арабскихъ, и даже въ турецкихъ, хотя въ послѣднихъ едва ли это не слѣдуетъ считать простою опiscoю, напр.: يَاخُدْ = ياخود (29 г., 65 v.), جَادِرْ = جادر (5 v.), بَغْدَادْ = بغداد (55 г.), كَنْدُو = كندو (17 v.), اُمِيدْ = اميد (105 г.), يَادْ = يادكار, يادكار (153 г.).

Буквы ɣ и ط, напротивъ, очень устойчивы въ своемъ употребленіи, напр.: طَاشْ (65 г.), طُنْسَا (66 г.), دِرَنَقْ (31 г., 78 v., 116 г.), طُنْقَدَرَنْ (97 г.), دُؤَرْجِي (31 г.), دُسُغُرُو, طُلُنْسَا, طُنْمَسَا (105 v.).

Буква ز иногда замѣняется буквою س, и притомъ не только во флексіяхъ, какъ напр.: كَلَسِي (153 г.), но и въ корнѣ слова, напр.: بَغْسَلْسَا (91 г.), хотя въ другихъ случаяхъ видимъ, что тотъ же глаголь и въ той же формѣ, но изображенъ такъ: بَغَزَلْسَا (114 г., 146 г., 149 г.).

Встрѣчаются и сложныя глагольныя формы архаическаго свойства, какъ напр.: قِلَو دُرُرَكَنْ (26 г., 78 v.), اَلْنِ اُولُسَا (137 г.), и особенности употребительно сочетаніе формы съ окончаніемъ سِ, которая обнаруживаетъ всѣ признаки причастія будущаго, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: بَغَزَلْسِي بِرَدَ (11 г.), نَمَازَ فَلْسِي قَدَرُ (25 г.), حَاجِي لِرَكَلْسِي سَنَا يَا (84 г.), نَمَامَ اُولُسِيَا يَقِنْ (93 г. & v.), كُشَلُو اُولُقَاسِي بِرَدَ (50 v.), اَمَزِيسِي عَوْرَتَ بُلُنْسَا اُغْلَنْ هَلَاكَ اُولُسِي اُولُسَا (100 г.), کَلَسِ وَقْنَا (122 v.). Иногда эти формы принимаютъ значеніе глагольнаго существительнаго напр. وَرِسِيَا صَنُوسِ رَوَا دُكُلْ (125 v.).

По поводу этой формы приходится обратить вниманіе на очень широкое и разнообразное употребленіе примѣты *سى*. Обычно ея мѣсто при именахъ существительныхъ, коренныхъ или производныхъ, для показанія принадлежности ихъ, при чемъ, присоединяясь къ словамъ, оканчивающимся на согласную, этотъ, какъ принято называть его, притяжательный мѣстоименный аффиксъ 3-го лца, теряетъ *س*, являясь въ видѣ одного *ى*: напр. и здѣсь мы видимъ *يَكَانِي* (116 г.), *نِسَمَسِي* (118 г.), *بِرْجَاسِي* (42 г., 45 в.); *عورنى* (41 в.), *بِرْبرلغِي* (14 в.), *عيبى* (13 в.), *قيتى* (10 г.) и др.. Но, помимо такого обычнаго, нормальнаго употребленія этого аффикса, мы встрѣчаемъ въ Лондонскомъ кодексѣ и такое его примѣненіе, котораго не встрѣчается въ другихъ старинныхъ памятникахъ: я имѣю въ виду здѣсь появленіе его въ такихъ сочетаніяхъ, какъ *أَبْرُوسِي* (26 в., 27 г., 76 в., 90 г., 136 в.), при чемъ надъ буквою *ق* всегда очень аккуратно бываетъ выставленъ знакъ сукунъ. Это слово не составляетъ исключенія: мы также видимъ еще слѣдующія начертанія того же характера: *دَرْسِي* (13 г., 28 в.), *يَرْسِي* (67 в., 68 г.), *بِرِي سَنَكْ يَارْسِي* (121 г.): въ которыхъ конечный гласный звукъ словъ прямо-таки отброшенъ съ присоединеніемъ къ нимъ аффикса *سى*, потому что, напр., слово *يَرُو* стоитъ рядомъ съ его видоизмѣненіемъ *يَارْسِي* (13 в.). Нѣсколько необычное употребленіе частицы *سى* зарегистрировано Юсуфомъ въ его грамматикѣ, по толкованіе его не совсѣмъ-то разъясняетъ то, что мы находимъ въ Лондонскомъ кодексѣ. У Юсуфа читаемъ: «La particule *سى*, ajoutée à certains noms, terminés par une simple consonne, exprime un rapport, une ressemblance: *ارککى* homme, *ارککسى* qui a le ton et les manières d'un homme (en parlant d'une femme); *امتحان* examen, *امتحانسى* qui ressemble à un examen. Cette particule s'ajoute aussi à quelques adjectifs exprimant la couleur ou le goût. Mais si le mot (nom ou adjectif) se termine par un *ل*, par *و* ou par *ى* voyelle, la particule *سى* sera précédée d'un *م*: *محلہ مسی* qui ressemble à un quartier, *قرمزى* — *قرمزىسى* rougeâtre» (Grammaire complète de la langue Ottomane par R. Jussouf. Constantinople 1892, pp. 96—97). Ни способъ соединенія здѣсь частицы *سى* со словами, ни сообщаемые ею отгѣнки значеній словамъ, съ которыми она соединяется, не представляютъ полной аналогіи съ тѣмъ, что наблюдается надъ этою же частицею въ Лондонскомъ кодексѣ, и что, слѣдовательно, ождаетъ еще дальнѣйшаго истолкованія.

Совершенно обратное явленіе наблюдается въ образованіи сравнительной степени именъ прилагательныхъ на رَقْ п رَكْ, а именно: въ многосложныхъ словахъ, имѣющихъ на концѣ согласную, этой послѣдней придается гласная кесра, а иногда дзамма, какъ-то: أَرَبَقْ (19 г.), يَاوَرَقْ (29 г.), أَوُونَرَقْ (39 г.), أَوُونَرَقْ (67 г.), но въ то же время يَكْرَكْ (30 г., 63 г., 65 г., 71 г., 152 г.), п, какъ какое-то исключеніе, عَادِلَرَقْ (149 г.). Имѣющія же на концѣ гласную, односложныя п многосложныя, довольствуются сю, какъ سَوَلُورَكْ 29 г., سَوَلُورَكْ (6 г.), كُرَكُورَكْ (71 г.).

Относительно этой формы прилагательныхъ не лишне еще упомянуть, что она сочетается съ притяжательными мѣстоименными аффиксами п съ падежными окончаніями, какъ напр.: أَوُونَرَقِي (39 г.), يَكْرَكِي (65 г.), أَرَبَقْنَا (51 г.).

Изъ другихъ арханческихъ прилагательныхъ тѣ, которыя образуются чрезъ оковчаніе لِقْ п столь обычны въ другихъ памятникахъ, здѣсь являются рѣдко, напр.: بَشَلَقْ سَاعَتْ. Но очень часто попадаются прилагательныя въ уменьшительной формѣ, какъ أَرَاوُغِي (2 г., 20 г., 49 г.), أَرَجَعَا (12 г.), دَرَجَقْ يَرَا (110 г.), أَرَجَقْ نَسْنَا (112 г.) и др.

Равнымъ образомъ здѣсь наблюдается очень охотное производство отглагольныхъ отвлеченныхъ существительныхъ чрезъ присоединеніе того же окончанія на لِقْ п لِكْ къ неопредѣленной формѣ глаголовъ, напр.: يَزْمَقْلَقَدْ (30 г.), مَنِ جَمَقْلَقْ لَغِي (67 г.), أَلْمَكْ لِكِلِمَلَه (67 г.), أَلْنَدْ أَوْلُقْ لَغِيلَه (53 г.). При этомъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что эти существительныя иногда могутъ, наподобіе арабскихъ масдаровъ, управлять дополненіемъ винительнаго падежа, напр. عَوْرَتِي أَلْدُكْدَنْ صَدْرَهْ يَبَقْلَقْ (78 г.).

Рядомъ съ этимъ слѣдуетъ указать на обиліе производныхъ глаголовъ отъ именъ существительныхъ, какъ отъ чисто турецкихъ, такъ и отъ иноязычныхъ, иногда отзывающихся чрезмѣрною искусственностью, но появившихся, очевидно, въ силу недостатка простыхъ коренныхъ глаголовъ, какъ напр.: صَوَلُوشْ صَلَرْ (13 г.), أَرَلْدَرْ أَرَلْدَرْ سَا (31 г.), جَفَلْتُمْكَ (56 г.),

اَرَبَايِ نُوْرَلَنْدُرْ فَلَقْ (71 v.), نَكَاحَ لَنْدُرْمَقْ, نَكَاحَ لَنْقْ (97 r.), جِفَنْلَنْدُرْمَكْ (96 v.), (94 v.), فَلَا دَهَلِيَا (143 v.), اَبِدْ كَلْسَا (112 v.), تَبِمَارَلْسَا (113 r.), مَلِكْ لَنْدُرْمَكْ (94 v.), (118 r.) и др.

Къ числу архаизмовъ можно также отнести частое употребленіе отглагольныхъ существительныхъ на جى, какъ يَرْجِي (67 v.), كَلَجِي, اَيَّاجِي (73 r.), и на و или غو, какъ напр. اُولُشُو (11 r.), صَوُو (68 r.) и بُغَزْلَغُو (11 r.).

Нѣкоторая неустойчивость наблюдается въ употребленіи буквъ غ и ق п появленіе ихъ тамъ, гдѣ бы слѣдовало ожидать ك; особенное колебаніе замѣтно въ начертаніяхъ اَوَّلَقِي (102 r.) и اَوَّلَغِيَا (10 r., 24 r., 63 v., 104 r.). Рядомъ съ такими реченіями, какъ صُكَّرَغِي (14 r., 100 v.), صَمَغِي (113 v.), فَئَقْسِي (103 r.), видимъ, что старинное мѣстоименіе فَئَقِي (113 v.) и فَئَقْسِي (10 v., 63 v., 149 r.) только въ такомъ видѣ и является; равно какъ слово فَئَقِي вездѣ безъ исключенія стоитъ съ буквою ق (11 r., 13 v., 67 r., 115 v., 68 r., 72 r., 74 r.), тогда какъ вездѣ въ другихъ старинныхъ памятникахъ и досегоднія оно обыкновенно изображается всегда въ видѣ دَقِي.

Нѣсколько страннымъ представляются начертанія قَبِمَقْ и قَبِيَّ (46 v., 115 v.), хотя буква پ, которую бы тутъ слѣдовало ожидать, аккуратно поставлена въ другихъ потребныхъ для нея случаяхъ, напр.: قَبِرْتَسَا (46 v.), سَلِمَكْ (68 r.), بَرْدَه (98 r.), دُبُوغَنْدُرْ (109 r.), دَبِلْسَا (91 r., 129 r., 149 r.).

Замѣчательно, что метатезисъ كَبِي = بَكِي, представляющій столь заурядное явленіе въ другихъ старинныхъ памятникахъ, здѣсь вовсе не встрѣчается. То же надо сказать и касательно глагольной формы будущаго времени на سر, которая только однажды попала: اُولُسَرْدُرْ (48 r.). Последнее можно объяснить тѣмъ, что самый составъ рѣчи, по одностороннему содержанію текста рукописи, не давалъ возможности къ примѣненію формы, столь охотно употребляемой не только писателями очень стараго времени, но встрѣчающейся даже у болѣе позднихъ, какъ историкъ Сэадъ-Эддинъ, у котораго видимъ ее въ стихотворномъ предисловіи къ его «Вѣнцу исторіи». Точно также

всего однажды встрѣчается архаическая форма 1 л. мн. ч. условнаго наклоненія **أُولَسُّوْزُ** (15 v.).

Повелительное наклоненіе съ усиленіемъ на концѣ посредствомъ прибавки **غِلْ** или **كِلْ** также имѣеть мѣсто въ Лондонской рукописи, напр.: **أُولَغِلْ** (43 r.) **يَلِكِلْ** (22 v, 33 r.).

Изъ другихъ глагольныхъ формъ архаическаго типа надлежитъ отмѣтить хоть и не въ столь разнообразныхъ комбинаціяхъ, какъ въ прочихъ памятникахъ, форму съ основою на **ب**, напр.: **وَرَبَّسَا** (92 v., 143 v.). Дѣе-причастіе же отъ этой основы на **بُنْ** ни разу не встрѣчалось.

Есть также примѣры образованія сложной формы условнаго наклоненія на **مِسَّا** вмѣсто простаго **ايسه** или **سه**, какъ-то: **اَكْرُقْلُ مِسَّا** и **حَرْقُلُ مِسَّا** (4 r.), **دِشِي مِسَّا** (130 v.). Она еще встрѣчается въ «Сорока везиряхъ», но тамъ скорѣе въ значеніи желательнаго наклоненія, нежели условнаго (Belle-tête, Contes turcs, Paris 1812, p. 160 & 177). Присутствіе тутъ **م**, предположеннаго условному наклоненію вспомогательнаго глагола **ايسه**, можно объяснять, и даже безъ особой натяжки, нахожденіемъ въ немъ извѣстной вопросительной частицы **می**, обыкновенно любящей втираться въ середину словъ, съ которыми она сливается. Тутъ невольно напрашивается сопоставленіе этого грамматическаго явленія съ аналогіею русскаго союза *если* = *est li*, служащаго также для образованія условнаго наклоненія глаголовъ: онъ тоже представляетъ собою сочетаніе вопросительной частицы *ли* съ глаголомъ вспомогательнымъ. Едва ли однако же въ этой архаической формѣ можно видѣть то, что г. Биттнеромъ отмѣчено въ производствѣ такихъ турецкихъ глаголовъ, какъ **اَغْلَامْسَهْمَقْ** = «притворяться плачущимъ» и **كُلُولْسَهْمَكْ** = «улыбаться», въ которыхъ слогъ **مسه**, по его мнѣнію, придаетъ начальнымъ глаголамъ **اَغْلَامَقْ** и **كُولَمَكْ** отгѣнокъ значенія притворнаго дѣйствія (Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, B. XXVI, 1912, S. 263, Bemerk.): въ указанныхъ мѣстахъ изъ «Сорока везирей», а равно и въ примѣрахъ изъ Лондонской рукописи ничего нѣтъ похожаго на выраженіе притворства, да и самая частица **مِسَّا** въ этихъ послѣднихъ присоединяется не къ глагольнымъ темамъ, а къ именамъ существительнымъ **قُلْ** = «рабъ» и **دِشِي** = «самка».

Мѣстоименія также имѣють своихъ архаическихъ представителей, каковы суть: **كُنْدُ أُوْزْ** (43 r.), **بِرْجَاسِنِي** (42 r.), **بُلُرْ** (45 v.), **بِرْجَالَر** (Ibid.),

نِمَمُهُمْ (137 г.), نَجَا يَلْ (58 г.), نَجَاكُم (30 г.) и نَجَاكُم (48 г.), اِشْبَعَا نَسَائِي (71 г.), اَيَّرَقْ (4 г. и др.) и اُنْدُقْ = «такой» (11 г., 35 г., 42 г., 116 г. и др.). Последнее только въ Лондонскомъ кодексѣ миѣ впервые и встрѣтилось.

Какъ и въ другихъ памятникахъ, въ Лондонской рукописи наблюдается большое количество архаическихъ послѣсловъ, союзовъ, нарѣчій и адвербіальныхъ реченій, изъ коихъ нѣныя представляютъ нелегкую задачу въ объясненіи образованія ихъ. Тутъ мы видимъ и اُنْرُو (123 г.) и دِكِنْ (70 г.) и بَكَّا (97 г., 116 г.), и كِرُو (32 г., 39 г., 41 г.), и لَبِنْ (6 г., 77 г.), и بَبِقْ (4 г., 45 г. и др.) и اِشْبِلَه (11 г., 105 г.), и اِشْبَعَا (48 г.), и صُكْرَدَنْ (39 г.), даже كَبِي въ видоизмѣненіяхъ كِبِنَكْ (69 г.) и كِبَدَنْ (109 г.), يَارِنَدَسِي (26 г.) и вособенности اُكْدِنْ въ такого рода сочетаніяхъ: وَفَتَدَنْ اُكْدِنْ (13 г.), اُكْدِنْ اُكْدِنْ (69 г.), и даже: اَيَلَدَنْ دَنْ اُكْدِنْ (12 г.), اَوْتَرَمِدَنْ دَنْ اُكْدِنْ (27 г.), كَلَمَدَنْ (39 г.). Такое нагроможденіе флективныхъ окончаній съ послѣлогомъ اُكْدِنْ есть, очевидно, продуктъ архаической грамматической неустойчивости адвербіальныхъ образованій, постоянно колебавшихся между стремленіемъ къ омертвѣнію и новымъ пробужденіемъ къ жизни, такъ что мы одновременно встрѣчаемъ и просто يَلِنْ (32 г.), دَنْ كُنْدَزِنْ (76 г.), وَفَتِنْ (97 г.) и وَفَتِنْ دَنْ بَرُو (17 г.), и يَارِنَدَنْ كِرُو (41 г.).

Точно такая же двойственность форманціи наблюдается еще въ адвербіальныхъ реченіяхъ съ окончаніемъ سَز. Тутъ мы видимъ и совершенно простыя образованія, какъ نَدَرَسَزْ (3 г.), صَوَمْ سَزْ (Ibid.), حِيَارَسَزْ (8 г.), اِحْرَامْ سَزْ (32 г.), اُكْسَزْ (37 г.), قَاضِي سَزْ (97 г.), قِيَارَسَزْ (132 г.) и اُكْسَكْ سَزْ (142 г.); но рядомъ имѣются еще и такія реченія, какъ: اِلِكْ اَلَنَسَزْ (31 г.), دَسْمُونَسَزْ (32 г., 36 г., 61 г., 141 г.), حُكِنَسَزْ (35 г.), رِصَاسِنْ سَزْ (97 г., 124 г.), كَحَسِنَسَزْ (139 г.), حَالَنَسَزْ (103 г.). Эти послѣднія доселѣ миѣ нигдѣ въ другихъ старинныхъ памятникахъ не встрѣчались. Значительное количество

приведенныхъ примѣровъ такого словообразованія не позволяетъ видѣть въ немъ ошибочное начертаніе писавшаго. Но если бы мы попытались приискать ему сколько-нибудь удовлетворительное объясненіе, то, мнѣ кажется, въ немъ можно усматривать аналогичное образованіе съ дѣепричастною формою на *سِرْ* *يَسِرُّ* и *يَسِرُّ*, какъ напр.: *يَسِرُّ* и т. п., только съ метатезисомъ, т. е. допустивъ, что *السِّرْ* явилось вмѣсто *السِّرْ*, *حُكْمِنِ* вмѣсто *حُكْمِنِ*, *دَسْتُورُنِ* вмѣсто *دَسْتُورُنِ*, *رِضَايُنِ* вмѣсто *رِضَايُنِ*, т. е. предположивъ здѣсь такую же эволюцію, благодаря которой вопросительная частица *مِ* изъ глагольных формъ только въ одномъ прошедшемъ категорическомъ ставится въ концѣ слова, а во всѣхъ другихъ формахъ втерлась между темою спрягаемаго глагола и окончаніемъ, потому что говорится *كلرمیسکر*, но *کلرمیسکر*. Стало быть, въ составъ разсматриваемаго нами словообразованія вошло отрицательное окончаніе *سِرْ* = «безъ», «не» и второе окончаніе *نِ* архангескаго винительнаго падежа, образующаго нарѣчія, какъ *وقتین* = «зимою», *кндзін* = «днемъ», *دنн* = «вечеромъ». На всякій случай, впрочемъ, слѣдуетъ тутъ упомянуть, что въ «Сорока везиряхъ» встрѣчается выраженіе *رِضام سِرْ* (Ibid., p. 121), гдѣ *سِرْ* прибавлено къ мѣстоименному аффиксу 1 лица *م* = «мой».

Мнѣ кажется, что вовсе не будетъ натяжкою, если въ объясненіе этого грамматическаго явленія въ турецкомъ языкѣ сопоставить его съ подобнымъ же словообразованіемъ въ русскомъ языкѣ съ помощью удвоенія предлоговъ въ родѣ «изъ-подъ», «изъ-за» и т. п., тоже иногда сливающихся съ словами въ видѣ приставокъ. Въ этомъ отношеніи особенно аналогична манипуляція со словомъ «граница» въ реченіяхъ «за границу» (уѣхать), «за-границею» жить, «изъ за-границы» (прибыть), «съ за-границею» (сноситься), хотя существительнаго въ именит. падежѣ «за-граница» не имѣется. Или хоть взять выраженія: «сѣзнова», «спозаранку», «наизустъ», «невзначай» и т. п. — тутъ мы видимъ двойное наращеніе въ началѣ словъ чрезъ обращеніе предлоговъ въ приставки, а въ турецкомъ языкѣ, не имѣющемъ предлоговъ, та же операція происходитъ въ концѣ словъ, гдѣ послѣлоги повременамъ пристають къ словамъ вплотную въ родѣ аффиксовъ, изъ коихъ наиболѣе употребительнъ въ старыхъ текстахъ сдѣлался *نِ*, хотя первоначально, можетъ быть, онъ и выродился изъ архангескаго винительнаго падежа, по вѣроподобному соображенію академика Бѣтлингга (*Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kasem-Bek's türkisch-tatarischen Grammatik*, St.-Petersburg 1848, S. 47). Эта склонность въ тюркскихъ

языкахъ къ плеонастическому усиленію конечныхъ наращеній въ словахъ замѣчается доселѣ, какъ это показываютъ входящія въ употребленіе въ таттарскомъ языкѣ образованія въ родѣ كچكهنه = «малюсенькій» и даже كچكهنه دنكنه.

Къ этой же категоріи грамматическихъ образованій слѣдуетъ отнести и форму ددكن لَين (л. 77 v.), которая, кстати сказать, встрѣчается и въ «Сорока везирахъ» (Belletête, p. 230), и въ составъ которой вошла частица لَين, хотя эта послѣдняя вступаетъ въ сочетанія съ склоняемыми словами и безъ посредства промежуточнаго ن, какъ напримѣръ بياغلين (Рукоп. л. 6.), الكلين (31 г.). Въ этомъ образованіи легко, мнѣ кажется, усмотрѣть сочетаніе послѣлога ايله, въ сокращенномъ видѣ له, съ вышеозначеннымъ нарѣчнымъ окончаніемъ بن. Такое объясненіе находятъ себѣ подтвержденіе въ томъ фактѣ, что напр. въ «Сорока везирахъ» мы встрѣчаемъ даже простое удвоеніе послѣлога ايله въ выраженія دونله اوجلانك (Ibid., p. 163), совершенно аналогичномъ съ такимъ другимъ: كچه ايله بولده كيدرکن (Ibid., p. 105).

За всѣмъ тѣмъ къ числу своеобразныхъ архаизмовъ слѣдуетъ отнести такіа реченія, какъ существ. ادمينك (44 v.), آدمی لر (51 г.); оригинально составленныя числительныя التیش بشر = «по шестидесятому году», «шестидесятилѣтній», اون بشر (76 v.) = «по десятому году», «десятилѣтній»; гл. بلمك вм. нынѣшняго ینمک или даже ینلمک; کشلو اوقبا (74 г.), اوق = «жребій» (104 г.), یقسُل (29 г.), طُنُق (97 г.), قبا (100 г.).

Въ заключеніе нельзя не назвать реченія کندو نمازی или کند = «послѣполуденная молитва» (72 г.), которое замѣчательно тѣмъ, что представляетъ собою греческое искаженіе турецкаго айкенди и сейчасъ употребительно у грековъ въ видѣ καιδη съ значеніемъ «всенощной», «des vêpres» (Louis Ronzevalle въ Journ. As. X Série, t. XVIII, 1911, p. 105—106). Неужели же греческое вліяніе на турецкую рѣчь могло проявиться въ образованіи этой формы уже въ такое отдаленное время, т. е. въ началѣ XIV вѣка?!

Этимъ краткимъ описаніемъ Лондонской рукописи я, падѣюсь, достаточно представилъ данныхъ для того, чтобы признать въ ней турецкій письменный памятникъ несомнѣнной важности, заслуживающій болѣе тщательнаго изученія его, и главнымъ образомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы съ по-

мощью его и другихъ, равносильныхъ ему по относительной старинѣ, хотя и не имѣющихъ безспорно точнаго хронологическаго приуроченія, заняться систематизаціею грамматическихъ архаизмовъ турецкаго языка и попытаться пріискать объясненіе ихъ образованія и значенія чрезъ сопоставленіе съ грамматическими данными другихъ родственныхъ съ османскимъ языкомъ нарѣчій, и первымъ дѣломъ, конечно, съ данными языка Орхонскихъ надписей.

Но для этого прежде всего надобно сдѣлать доступнымъ этотъ памятникъ ученому міру путемъ его изданія въ свѣтъ, и даже, если согласятся со мною, что это автографъ, издать его fac-simile. Всего сподручнѣе было бы сдѣлать это коммиссія съ проф. Броуномъ во главѣ въ Лондонѣ, распоряжающейся употребленіемъ издательскаго фонда имени покойнаго Г'пбба: это и обошлось бы сходнѣе, чѣмъ кому-либо другому, и было бы достойно памяти Гибба, по спеціальности своей османиста.

Оттого-то я и спѣшу огласить существованіе этого любопытнаго памятника, въ упованіи, что мое заявленіе не останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и можетъ быть найдетъ откликъ себѣ у почтенныхъ оріенталистовъ Лондона, располагающихъ всѣми средствами для того, чтобы дать другимъ ученымъ спеціалистамъ возможность заняться разработкою его.

При этой статьѣ мною прилагается снимокъ fac-simile съ послѣднихъ двухъ листовъ рукописи въ натуральную величину ихъ, по одной страницѣ съ cadaго, т. е. *a* съ л. 152 v. и *b* съ л. 153 r. (табл. 1 и 2).

В. Смирновъ.

С.-Петербургъ, сентябрь 1913 года.

قَدْ انْتَهَى نَظْمُ الْخِلَافِيَّاتِ وَالْحَمْدُ لِلَّهِ عَلَى الْحَالَاتِ
 بَيْنَ آخِرِ مَا دَكَرَ بَوَسْطُوهُ خِلَافُ لِي . جُلَّةَ سُلْطَانِهِ لَوْ تَكْرِيماً دَرَجَةً كَالْتِ لَوْ
 يَقْنُ جُلَّةَ حَالِهِ شَعْرَ تَكْرِيماً بَاباً . قُلْتُ لَقَدْ صَغِلْتُكَ صَبْرًا وَلَقَدْ بَعَثَ لِقَدْ
 مَرْجَالُكَ دَمِي بِكَابِخُورِ لَوْ . جُلَّةَ سُلْطَانِهِ لَوْ تَكْرِيماً بَاباً شَيْخُ
 أَبُو حَفِصٍ رَضِيَ اللَّهُ عَنْهُ وَأَرْضَاهُ كِتَابُكَ أَوْلَيْتُكَ شَعْرَ أَيْلِدِ حَيْرِ حُرِّ تَوَنُّونَ
 وَرَدَّ بُوَ كِتَابِ بِسْمَلَعَا آخِرُ نَدَّ شَعْرَ أَيْلِدِ حَيْرِ تَوَفَّقِي وَرَدَّ نَامَ أَيْلِدِ حَيْرِ
 ثُمَّ الصَّلَاةُ وَالسَّلَامُ أَبَدًا عَلَى النَّبِيِّ الْهَاشِمِيِّ سِرْمَدًا
 أَنْتَ دَعَا فِي سَلَامٍ هَمِيْشَه . بَيْغَابِيْرُ أَوْ رَأَى أَوْلَيْتُكَ هَاشِمِ دَرَجَةً هَمِيْشَه
 شَيْخُ أَنْتَ صَلَوَةُ سَلَامٍ إِحْسِنَ دَعْوَى أَيْلِدِ أَوْلَدَ آخِرُ نَدَّ إِحْسِنَ دَعْوَى أَيْلِدِ
 تَامَا سَمِي إِحْسِنَ دَعْوَى أَيْلِدِ أَوْلَدَ آخِرُ نَدَّ إِحْسِنَ دَعْوَى أَيْلِدِ أَوْلَدَ آخِرُ نَدَّ
 بِيْرُ دَرَجَةٍ دَعْوَى سَلَامٍ إِحْسِنَ دَعْوَى أَيْلِدِ أَوْلَدَ آخِرُ نَدَّ إِحْسِنَ دَعْوَى أَيْلِدِ
 وَرَدَّ دَعْوَى سَلَامٍ إِحْسِنَ دَعْوَى أَيْلِدِ أَوْلَدَ آخِرُ نَدَّ إِحْسِنَ دَعْوَى أَيْلِدِ
 صَلَوَاتُكَ أَوْلَى دَعْوَى سَلَامٍ إِحْسِنَ دَعْوَى أَيْلِدِ أَوْلَدَ آخِرُ نَدَّ إِحْسِنَ دَعْوَى أَيْلِدِ
 وَصَاحِبُ النَّظْمِ أَبُو حَفِصٍ عُمَرُ مِنْ نَسَبِ أَتَمَّ هَذَا فِي صَفَرِ
 تَوَنُّونَ إِحْسِنَ دَعْوَى أَيْلِدِ أَوْلَدَ آخِرُ نَدَّ إِحْسِنَ دَعْوَى أَيْلِدِ أَوْلَدَ آخِرُ نَدَّ
 لِلنِّصْفِ يَوْمَ السَّبْتِ وَتَوَنُّونَ فِي سَنَةِ الْمَرْبَعِ وَالْخُمْسِ مِائَةِ
 صَفَرِ يَارَسَدَ شَيْخُ عَنْ عَدَا وَتَوَنُّونَ بَيْغَابِيْرُ أَوْ رَأَى أَوْلَيْتُكَ
 وَجَلَّةَ أَلْبَابِ يَارَسَدَ شَيْخُ عَنْ عَدَا وَتَوَنُّونَ الْفَارِ وَالسَّبْتِ وَالْخُمْسِ مِائَةِ
 عَلَيْهِ بَيْتُ لَوْ كِتَابُكَ أَيَّ جَلَّتْ سُرُورِي إِحْسِنَ دَعْوَى أَيْلِدِ أَوْلَدَ آخِرُ نَدَّ

